

Газета основана 5 мая 1912 года
В. И. ЛЕНИНЫМ
№ 55 (25773)
Пятница, 24 февраля 1989 года
Цена 5 коп.

ПРАВДА

Встреча с трудящимися в столице Украины

КИЕВ, 23. (ТАСС). Сегодня вечером здесь состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева с трудящимися Киева и области. Во дворе культуры «Украина» пришли рабочие и колхозники, партийный и советский актив города и области, представители общественности, научно-технической и творческой интеллигенции, ветераны партии, труда и молодежи, воины Советской Армии.

В президиум были член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербинский, Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР В. С. Шевченко, Председатель Совета Министров республики В. А. Масол. Встречу открыл первый секретарь Киевского горкома партии К. И. Масик. Перед собравшимися выступил товарищ Горбачев М. С. Речь была выслушана с вниманием и встречена аплодисментами.

ПЕРЕСТРОЙКА—ДЕЛО ВСЕХ НАРОДОВ СТРАНЫ

Речь М. С. ГОРБАЧЕВА на встрече с трудящимися в г. Киеве

Дорогие товарищи! Сердечно приветствую вас — представителей рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, партийных, государственных и хозяйственных работников и в вашем лице весь народ Советской Украины. (Аплодисменты).

Мое пребывание здесь близится к концу, и я весьма удовлетворен многочисленными встречами и беседами, состоявшимися в эти дни и в Киеве, столице Украины, и в Донецкой, Львовской и Киевской областях.

Пожалуй, самое важное, что я выношу из нынешнего пребывания на украинской земле, — ощущение беспокойной и требовательной заинтересованности в том, чтобы перестройка не только продолжалась, но и набирала силу, чтобы все, от кого это зависит, действовали решительно, чтобы все мы могли быстрее почувствовать результаты проводимых реформ и преобразований.

В Донецке, во время встречи с шахтерами один рабочий сказал: «Хватит, наговорились, пора переходить к делам». Сказано прямо и определенно. И я реагирую на это так: «Побольше конкретных дел — вот лозунг дня!» (Аплодисменты). Усиление практической работы — именно это в первую очередь необходимо сейчас для успеха перестройки.

Здесь, на Украине, мы остро почувствовали, что рабочий класс, весь народ — за перестройку. Назад пути нет, но нужны конкретные результаты перестройки — таково мнение трудящихся Украины. Это, товарищи, серьезная поддержка. И мы высоко ценим ее в Центральном Комитете партии.

Скажу, что в эти дни пришлось выслушать и критические замечания как в адрес центра, так и республиканских органов. На меня произвело большое впечатление и то, что пришлось услышать в эти дни много самокритики. Знаете, критиковать начинают — у нас давнишняя традиция. А здесь я почувствовал, что многие не удовлетворены тем, что они сами сделали. Эту мысль сильно развивал в своем выступлении на встрече с шахтерами А. Я. Колесников, которому я очень верю как человеку слова, как человеку высокой рабочей морали. Выдвигались конкретные предложения по улучшению работы, решению экономических, социальных, идеологических задач, разветвлению и углублению процессов демократизации.

Это меня, скажу прямо, очень порадовало. Ведь толь-

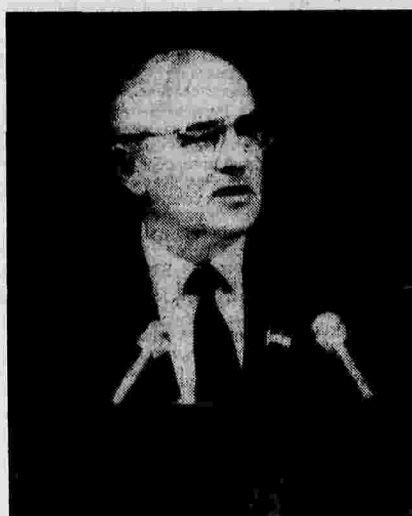
ко общими усилиями можно вывести страну на широкую дорогу дальнейшего развития, обновлять наше общество. К сожалению, далеко еще не все по-настоящему включилось в перестроительные процессы, а кое-кто просто рассчитывает — хотя и наспех — что перестройка, в конце концов, поутихнет и все вернется на круги своя. Такие настроения тоже есть, и мы должны учитывать это в своей работе.

Наша встреча с вами, товарищи, происходит в разгар избирательной кампании, в ходе которой советские люди определяют, кому будет доверено в последующие пять лет решать все главные вопросы внутренней и внешней политики. Вполне естественно, что в такое время каждый так или иначе размышляет над судьбами страны, ее прошлым и будущим, и, конечно, над современными проблемами.

Скоро исполнится четыре года с того момента, когда партия призвала народ к революционному обновлению страны. Время это отмечено небывалой интенсивностью общественно-политической жизни. Советское общество, каким оно сейчас выглядит и осознает себя, уже во многом отличается от того, каким оно было в начале 1985 года. На смену застойной атмосфере пришла гласность, оживленная дискуссия, решимость до конца, бескомпромиссно разорваться во всем, что привело нас к предкризисному состоянию, высвободить могущую энергию, тающуюся в нашем народе.

Сейчас мы переживаем, пожалуй, один из наиболее ответственных моментов перестройки, когда она из области замыслов, планов и программ переходит в практику, вторгается в реальные процессы общественного развития, воплощается в новые формы социально-экономической и политической организации. Перестройка проникает во все сферы, все больше затрагивает интересы различных социальных классов. Да что там говорить — каждая семья, каждого человека. Она сейчас проходит самое серьезное испытание — испытание жизнью.

В такие переломные моменты особенно важны продуманность, взвешенность и слажен-

ность действий. При быстром переходе от застоя к движению, к бурлению страстей крайне важно не потерять ориентира, действовать целенаправленно и последовательно; не допускать того, чтобы какие-либо случайности увели нас в сторону, или мы испугались новизны, необычности ситуации, притормозили перестройку. Все это обязывает нас быть предельно внимательными, собранными и ответственными, и в то же время — решительными в реализации политики перестройки.

История не прощает тем, кто упускает инициативу, не использует представившийся шанс. Именно так обстоит дело сейчас. Мы не можем упустить шанс, открытый перестройкой, — вывести нашу страну на новые рубежи экономического и социально-политического прогресса.

План действия у нас с вами есть. Он достаточно четко определен. Это — радикальная экономическая реформа, возрождение власти Советов, перестройка партии и раскрытие ее потенциала как политической авангарда общества, формирование правового госу-

дарства. А если говорить обобщенно, то речь идет об обновлении нашего социалистического общества через его всестороннюю демократизацию, о повороте лицом к человеку. Но нужна не только программа — я думаю, вы это хорошо понимаете. Нужна огромная общественная энергия, способная преодолеть силу инерции, сопротивление старого, сломать механизмы торможения, перевести общество в русло динамичного развития. Такая энергия рождается самой перестройкой, масштабностью и глубиной преобразований. Революционные перемены распрямляют людей, приводят в действие все социальные силы.

Мы видим, как растет активность рабочего класса, какое понимание стоящих задач он проявляет. И хотя переход на новые формы хозяйствования идет не просто и не безболезненно, не во всем сразу обнаруживаются ошутимые позитивные результаты, рабочие видят перспективу, связывают с перестройкой будущее и всей страны, и свое собственное. Это еще раз убедительно подтвердила недав-

няя встреча с рабочими в ЦК КПСС, об этом свидетельствуют и беседы, состоявшиеся в эти дни в республике.

Возвращается уважительное отношение к нашему крестьянству как к политическому классу общества, и оно это чувствует, начинает расправлять плечи. Советская деревня стоит на пороге глубоких перемен.

В это переломное для страны время служению народу, идеям и делу перестройки посвящают свои знания и талант лучшие силы нашей интеллигенции.

Конечно, не следует упрощать процессы, происходящие в общественном сознании, в настроениях людей. Ведь речь идет о крутой ломке всего уклада жизни, привычек, представлений, сложившихся за многие десятилетия. Такие перемены, товарищи, — мы теперь это знаем по своему опыту — даются нелегко, а порой сопряжены с болезненными явлениями. Все это естественно в условиях исторического поворота, который мы переживаем. И нет оснований драматизировать ситуацию, если иметь в виду, за какое слож-

ное и масштабное, поистине революционное дело мы взялись.

И в связи с этим нельзя не сказать о колоссальной ответственности, которая ложится на наши плечи на нынешнем этапе перестройки. Мы должны быть предельно требовательными и самокритичными при оценке результатов. Тут очень важно не впадать в эйфорию и не поддаваться панике.

Конечно, очень хотелось бы, чтобы перестройка поскорее все изменила, и мы могли бы сказать, что с застойными явлениями покончено. Однако до этого еще далеко. Правда в том, что перелом только начинается, создаются необходимые политические и экономические предпосылки для выхода страны на дорогу здорового развития. Но еще не заработал на полную мощность тот единственный двигатель, который способен обеспечить успех перестройки. И именно в виду демократии, самоуправления, активного вовлечения всех и каждого в перестроительные процессы.

Впереди у нас — огромная и напряженная работа, но нам

она по плечу. Главный вывод — решительно идти по пути радикальной экономической и политической реформы, духовного и нравственного возрождения общества. Не останавливаться ни перед какими препятствиями, выискивать и критично анализировать пройденный путь, извлекать необходимые уроки, вносить коррективы в нашу работу, настойчиво, шаг за шагом, продвигать дело перестройки. В общем, скажу так: как и всякая революция, нынешняя перестройка — занятие не для слабых и маловеров. В этом мы еще и еще раз убеждаемся на собственном опыте.

Товарищи! Теперь мне хотелось бы остановиться на вопросах, которые сегодня больше всего волнуют советских людей, стоят в центре предвыборных дискуссий.

И перестройка в целом, и все составляющие ее реформы направлены в конечном счете к главной цели — раскрыть гуманный облик социализма и повысить благосостояние народа. Сделать так, чтобы человек, его проблемы, его самочувствие, вся его повседневная жизнь были в центре забот общества.

Мы говорим — это я хочу еще раз подчеркнуть, — что человек является и главной целью перестройки, и вместе с тем, главным действующим лицом революционных преобразований. Вот почему так жизненно важно было уже на первых порах через процесс демократизации, гласности создать в обществе новую атмосферу, которая позволяла бы каждому советскому человеку быть самим собой, раскрыть свои способности и таланты, активно участвовать во всех общественных и государственных делах.

С этого надо было начинать, ибо ни о какой перестройке не могло быть и речи без того, чтобы изменить саму атмосферу общества. Тут мы многое уже сделали. И в дальнейшем демократизация экономической жизни, возрождение Советов как органов подлинного народовластия и самоуправления позволят — в этом мы убеждены — раскрыть огромные возможности социализма как действительно народного строя, где власть и

судьба страны в руках самих трудящихся.

С самых первых шагов перестройки мы понимаем, что ее успех будет измеряться не возвышенными словами и не какими-то абстрактными критериями, а такими жизненными показателями, как количество и качество жилья, продовольствия, товаров народного потребления, услуг, решительное улучшение всей работы, направленной на удовлетворение многообразных материальных и духовных потребностей людей.

Уже на начальном этапе перестройки было признано необходимым выработать активную социальную политику. И это не просто слова. Мы начали на всех уровнях разворачивать экономический и социальный процессы, перераспределять ресурсы в пользу социальной сферы.

После долгих лет застоя в жилищном строительстве его масштабы начали расширяться. Сделаны дополнительные крупные вложения в такие чрезвычайно важные для народа области, как охрана здоровья и народное образование.

Большие средства выделены на прокладку дорог, особенно в Нечерноземье.

Мы осуществляем меры по изменению структурной политики, с тем чтобы придать серьезный импульс расширению производства потребительских товаров. Впервые достигнуто существенное опережение темпов их прироста по сравнению с общим увеличением промышленного производства.

Революционной мерой в наших условиях явилось привлечение оборонных отраслей к коренной технической реконструкции легкой и пищевой промышленности. На эти цели задействованы сейчас сотни таких предприятий. Растет доля оборонных предприятий и в самом выпуске предметов потребления.

В последние годы прирост реализации услуг населению превышает 10 процентов. Свой вклад в это вносит и разветвление кооперативов, индивидуальной трудовой деятельности.

За годы пятилетки среднегодовое производство зерна в сравнении с соответствующими показателями прошлой пятилетки увеличилось на 7,5 млн. тонн, то есть на 19 процентов, мяса в убойном весе — на 539 тыс. тонн (15 процентов), молока — почти на 2 млн. тонн (9 процентов) и яиц — на 1,4 млрд. штук (9 процентов).

(Продолжение на 2-й стр.)

СИЛА ДУХА, СИЛА ДРУЖБЫ

Пребывание М. С. Горбачева на Чернобыльской АЭС и в городе Славутиче

23 февраля, в четвертый день пребывания на Украине, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачев посетил Чернобыльскую атомную электростанцию. Побывал в городе энергетиков Славутиче.

Почти четыре года минуло с той трагической ночи, когда случилась та неслыханная авария, о которой разнеслось во всему миру. Но и сегодня продолжаются работы по ликвидации ее последствий, поожению дел на станции прилежатель пристальное внимание. Во время встреч на улицах Киева среди множества вопросов на самые разнообразные темы Михаилу Сергеевичу неизменно задавались и вопросы об атомных электростанциях. Подробно рассказывая о предпринятых мерах, он подчеркивал, что проблемы эти решаются предельно взвешенно. Когда спрашивали, почему в сейсмоопасном Крыму строится АЭС, Михаил Сергеевич разъяснял, что после разладившихся требований прекратить ее возведение для экспертов приглашенных американских ученых, участвовавших в проектировании АЭС Японии. Почему именно они? Территория Японии, как известно, тоже подвержена землетрясениям до 8—9 баллов, и все же страна получает необходимую электроэнергию от

атомных станций. Значит, можно обеспечить их безопасность. Так вот, когда эксперты (естественно, с участием наших ученых) дают заключение, будем решать судьбу крымской новостройки, отмечал М. С. Горбачев в беседах с киевлянами. В случае отрицательного вывода она станет использоваться как тренажер для подготовки персонала атомных электростанций. В Чернобыль же, чтобы убедиться в сделанном, посмотреть, что предстоит еще сделать, он в эти дни обязательно съездит, говорил Генеральный секретарь.

...И вот машины мчатся в ставший известным всему миру небольшой украинский городок. Долгие месяцы после аварии дорогу к нему перекрывали шлагбаумы — лишь прачечному из ликвидации аварии транспорту открывался путь. Сейчас путь до самой зоны свободен для всех автомашин. У каждого, кто едет, свой маршрут, свои заботы, как и должно быть при нормальной работе.

По дороге машины останавливаются в поселке Димер. У почти собравшейся большой группы людей. Это работники хозгоса «Димирский», местных предприятий. Михаилу Сергеевичу вручают цветы. Он интересуется, как работает совхоз, как идут дела. Совхоз еще несколько лет назад был убыточным, а сейчас поднимает-

ся в гору. В прошлом году уже получен миллион рублей прибыли. Продолжается путь на Чернобыль. Наглядно иллюстрируют масштабность выполняемых работ по ликвидации последствий аварии то и дело встречающиеся на пути совершенно новые села.

— После аварии, — сообщает председатель Киевского облисполкома И. Плющ, — построено 88 новых сел, в которых около 11 тысяч индивидуальных жилищ, домов, усадебного типа и обязательно — школы, детские ясли и сады. Все заново обустроенное население обеспечено жильем и трудоустроено. Людям выплачено разного рода компенсаций и льгот на сумму более 900 миллионов рублей.

Чернобыльцы помнят: буквально с первых дней аварии М. С. Горбачев пристально следил за всем, что происходило в Чернобыле и вокруг него. Здесь помнят его выступления по телевидению, полные сочувствия слова в ряде других речей. Поэтому тут с особым чувством встречают сегодня Генерального секретаря ЦК КПСС.

Естественно, всего сделанного для ликвидации последствий аварии недостаточно, так сказать, глазами не разглядишь. Огромные силы и средства выделялись для этого. Вся страна, все республики,

все наши народы откликнулись на беду, прислали сюда своих специалистов, целые рабочие коллективы, громадное количество материальных ресурсов. В общей сложности в зоне АЭС работали 260 тысяч человек, прямые затраты составили около четырех миллиардов рублей. А с учетом потерь, связанных с сокращением объемов производства продукции в этих районах и других расходов — около восьми миллиардов. Зато станция возвратилась к жизни в казахские поначалу нереальными сроки. Первый блок дал энергию менее чем через полгода. Через месяц — второй. Спустя год — третий. Условия на станции отвечали и отвечают всем самым строгим нормативам. И теперь вот директор АЭС М. Уманец, рассказывая Михаилу Сергеевичу о состоянии, о стоящих перед коллективом проблемах, отмечает нормальную работу всех трех блоков.

Гости осматривают места, которые еще недавно казались мертвыми. Их возмущает, что жизни героические усилия подражали в Советской Армии, строителях и ученых. Локализацию и вынесение на захоронение десятки тысяч кубометров радиоактивных отходов. Многие сделали за пылом, в пешеходных переходах, со оружений. В соответствии с программой научно-техниче-

Во время посещения Чернобыльской АЭС.

Телефото спец. корр. «Правды» В. Парадиз.

ских работ специалистами комиссии экстренной ликвидации аварии. Автоматически включились И. В. Курчатова несли и ведутся работы на объекте «Укрытие». Так официально именуются теперь названное журнальными «саркофагом» сооружение над четвертым блоком, которое предстает взгладу приехавших.

По расчетам, основное количество топлива — до 95 процентов — сосредоточено здесь, в шахте разрушенного блока, в подвальных помещениях.

Основное назначение укрытия — предотвратить выход в окружающую среду радиоактивных веществ из поврежденного реактора и защиты прилегающих территорий. Ныне состояние реактора четвертого блока характеризуется как безопасное.

А какова долговечность укрытия? — возникает вопрос. Конструкторы «саркофага» при его проектировании, отвечая директору станции, исходили из того, что критерием долговечности любого объекта

ядерной энергетикой является срок работы атомного реактора, то есть 30—40 лет. В такие же сроки подлетают ликвидации и «саркофага».

М. С. Горбачев со спутниками проходит в цитовую второго энергоблока.

— Блок работает нормально, — докладывает начальник смены.

Завязывается заинтересованный разговор. Чернобыльская авария стала как бы водоразделом между копившимися в годы застоя пороками явле-

ниями и процессом освобождения от них, требующим особой строгости, повышенной ответственности. Нельзя забывать, что причиной катастрофы стала преступная безответственность, которая не должна, не может повториться.

Со станции М. С. Горбачев направляется в город Славутич. Новая дорога проложена через две реки — Припять и Днестр. Место для города выбрано в сотнях километров от

(Окончание на 4-й стр.)

(Продолжение.
Начало на 1-й стр.)

Но, конечно, мало констатировать эти негативные явления. Нужны решительные меры по их преодолению. Этот вопрос стал предметом специального рассмотрения в ЦК и правительстве. На первый план тут выдвигается задача расширения выпуска товаров и расширения торговой сети. В нынешнем году нам предстоит увеличить объем розничного товарооборота почти на 30 млрд. рублей. Это в 1,3 раза больше, чем в прошлом году. Намечено существенно увеличить темпы роста услуг, оказываемых населению. Тут многое зависит и от центра, и от республик, и особенно от практи-

В сельском хозяйстве старые методы скопмпретирования, как и в одной другой отрасли. Здесь надо по-настоящему открыть, двери всему, что способно изменить ситуацию радикальным образом. Вернуть сельского труженика на землю, к средствам производства, сделать его хозяином положения.

Никакие стереотипы и догмы не должны вставать на пути решения продовольственной проблемы. Все эффективные формы должны получить здесь полное право новой жизни.

В связи с этим — о правильном понимании социальной справедливости. В этом деле немало путаницы и спекуляций, на базе которых сформировались и получили распространение представления, искажающие справедливость с управиловской. Это, конечно, серьезное заблуждение.

И, кстати, — борьба с управиловской вовсе не означает отказ от политики социальной справедливости, от такого важнейшего нашего завоевания, как социальная защи-

О чем мне хотелось бы сказать сегодня? Весь накопленный мной опыт и проведенный до сих пор анализ убеждает, что национальные и межнациональные проблемы могут найти решение только в русле перестройки, как ограниченная составная часть этого революционного процесса. Любые попытки достичь этой цели помимо, а тем более вопреки процессу реформирования обречены на неудачу.

Конечно, вопросы гармонизации отношений между центром и республиками будут

отношения в нашей стране, хотел бы выделить еще одну очень важную их особенность — они пронизывают всю общественную структуру — от Союза в целом до каждого региона и трудового коллектива. Практически у нас везде, в стране, во всех республиках, городах, областях и районах бок о бок живут и трудятся люди разных национальностей. Так сложилась исторически. Это — одна из реалий, на которой очень многое завязано, и не считаться с ней нельзя. Она во-

курс на полномасштабное сотрудничество на политическое партнерство с общественными организациями. Под руководством партии широко развернулись процессы демократизации, активно ведется демонтаж командно-административной системы, формируются социалистическое правовое государство.

В апреле 1985 года мы призывали демократии и намерены твердо следовать этому курсу. При этом видим и огромный потенциал политической активности, накопивший-

Когда еще только подступала к перестройке, руководители партии были обеспокоены прежде всего тем, как идти дела у нас самих, внутри страны. Но затем, начав перестройку, мы очень скоро поняли необходимость переосмыслить и всю мировую обстановку.

Мы подчас не замечаем, как меняется атмосфера. Ведь наши отношения с Западом и в политическом, и в общественной, научной, информационно-пропагандистской сферах по существу пражались вокруг понятия «советская угроза».

Рабочая гарантия перестройки

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

дальнейшую политику, чтобы экономика больше поворачивалась к человеку, к решению социальных вопросов. И вот на этой основе будет формироваться будущая политика в стране, в том числе и в Донбассе.

Энергетическая база здесь занимает ведущее место. Энергетика есть энергетика. Необходимо и мощи наращивать, и решить накопившиеся социальные вопросы, особенно в старых шахтерских поселках. Все проблемы надо решать в комплексе, а не так, как предлагали некоторые товарищи, — вычленив мощи, мол, надо создавать, а социальную базу — потом. Все это скажется, в конечном счете, на конкретных результатах. Поэтому, думаю, вашу просьбу, обоснованную тревогой за судьбу Донбасса надо рассмотреть ЦК и правительству.

Очень правильно поставили товарищи вопрос о лучшем использовании науки и техники в перестройке. Есть вопросы, в решении которых нужно подключать академическую, большую науку. Кстати, на Украине фундаментальная наука мощная, и ее нужно активнее подключать к делу. Но главное — это прикладные научные исследования, которые бы помогли решить вопросы технического перевооружения, технического прогресса в отрасли с тем, чтобы выйти на большую производительность труда, на поддержание на определенном уровне производственных показателей.

В целом вы правильно ставите вопрос, его нужно проработать. Наука наша сейчас тоже перестраивается. Вообще-то говоря, еще несколько лет назад в научных разработках, в советах и объективных оценках ученых мы не очень-то нуждались. Дело складывалось так, что наука отводила роль пропагандиста или роль комментатора уже принятого решения. А это ставило нашу науку в сложное положение. Поэтому и науке сейчас тоже надо основательно перестраиваться. Мне думается, что подключение ученых к реальным процессам крайне необходимо. Нужны по-

жаками тех, кого они считают достойными.

Важны и вопросы расходования денежных средств. Мы часть средств начнем передавать республикам, а республикам — парторганизациям. Такая возможность есть. Мы решим это. Стоит вопрос о заработной плате партийных работников. Об этом мне приходилось беседовать с товарищами из Кемеровской области.

Они говорят, что практически некому брать на работу. Заработки более или менее зафиксированы, авторитетных людей, к которым можно было бы прислушаться, в которых бы шли люди советовать, от 600 до 800 рублей в месяц. А у секретаря сельского районного комитета партии — 320—330 рублей. Председатель колхоза в среднем получает оклад, плюс по итогам года несколько окладов, где-то в пределах от 600 до 1.200 рублей. В сложившейся ситуации, получается, что секретари районного комитета партии по фактическому уровню заработной платы находятся на уровне управляющего отделением или бригадира крупной бригады. Так что тут явное противоречие. Понимаю, мы никогда не торжались с повышением зарплат партийных работников, чтобы они не отрывались от людей. Напротив, сначала повышали ее тем, кто находился на решающих участках народного хозяйства. Но сейчас, видимо, пришло время рассмотреть этот вопрос в контексте всех изменений в стране.

В целом этот наш разговор еще раз показывает, что надо сейчас все силы, знания, опыт отдавать продвижению перестройки на каждом участке, на каждом направлении. Вот главный лозунг дня. Побольше конкретных дел, побольше открытости, демократизма в обсуждении всех вопросов, больше контроля со стороны трудящихся за деятельностью всех организаций. Основной акцент — на практические дела. Думаю, все товарищи, которые здесь присутствуют, уходят с этой встречи с твердой уверенностью, что мы — на правильном пути. Желаю шахтерам, всему рабочему Донбассу больших успехов в перестройке.

(ТАСС).

после встреч с коллективом станции. Все-таки сила человеческого духа и сила дружбы советских людей оказались неодолимыми. Именно об этом говорил Михаил Сергеевич Горбачев с черныбыльцами. Мы победили потому, что были все вместе, рядом, плечом к плечу. Жизнь торжествует здесь, на земле, которая казалась обреченной. Жизнь берет свое и в разрушенных стихийных городах и селах Армении, Таджикистана.

Словом, многое нам подвластно. Выдерживая суровые испытания, мы доказываем себе и миру безграничные возможности нашего строя, когда выходишь сегодня на качественно новые рубежи. И сейчас, когда в повестку дня поставлена перестройка, когда настало радикальное обновление общества, мы твердо верим в успех, потому что цели наши поистине благородны и бесспорны. Для достижения этих целей советские люди готовы работать с удвоенной, утроенной энергией, понимая, что улучшение нашей жизни зависит от нас самих. Во имя этого стоит потрудиться. Таков был лейтмотив всех бесед с Генеральным секретарем ЦК нашей партии, состоявшихся в этот день в Чернобыле и Славутиче.

Вместе с М. С. Горбачевым были член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Шербицкий, Председатель Президиума Верховного Совета УССР В. С. Шевченко, Председатель Совета Министров УССР В. А. Масол, первый секретарь Киевского областного комитета КП Украины Г. И. Ревенко, первый секретарь Славутичского горкома партии В. Г. Лукьяненко.

Во второй половине дня М. С. Горбачев возвратился в Киев.

**В. КОЖЕМЯКО,
М. ОДИНЕЦ,
И. ТИХОМИРОВ.**
(Спец. корр. «Правды»).

хозяйствам предприятий и граждан, условиям труда и жизни на селе. В поле зрения прессы должны быть создание в стране современной пищевой индустрии, участие промышленности в развитии в техническом перевооружении и социальном переустройстве села.

Очень важно, чтобы центральная печать, телевидение и радио систематически анализировали, сравнивали результаты работы республик, краев, областей по снабжению населения продуктами питания. Нужно поддерживать инициативу, деловую предприимчивость местных организаций, поддерживать критическую деятельность, неразрывно связанную с деятельностью партийных и государственных органов.

В беседах с журналистами также участвовали первый заместитель заведующего Аграрным отделом ЦК КПСС Ю. И. Мордвинцев, председатель Гостелерадио СССР А. Н. Аксенов.

(ТАСС).

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Высокая, тоненькая девушка с прекрасным лицом, стремительная, целеустремленная... Такой запомнилась она скульптором В. Ф. Лавровым. И именно такой представляется мне она и юности.

Но знала я ее совсем другой — живой, доброй тетей Надей, с таким чудным голосом, внимательным взглядом серых глаз, обязательной улыбкой...

Надежда Константиновна Крупская родилась 26 февраля 1869 г. в Петербурге в небогатой семье военного. Отец ее был связан с революционерами. После его смерти юная Надя с 14 лет стала давать уроки.

Окончив гимназию с золотой медалью и получив специальную педагогическую подготовку, Надя мечтала о том, чтобы стать учительницей в школе, но никак не могла найти место. Она начинает работать в гимназии в качестве домашней наставницы. Педагогический совет гимназии выдал ей любопытное удостоверение: «Домашняя наставница Надежда Крупская в течение двух лет занималась по вечерам с десятком ученицами... Успехи ее учениц свидетельствуют о выдающихся педагогических способностях ее, основательности ее познаний и крайне добросовестном отношении к делу».

В двадцать лет Крупская впервые узнала имена К. Маркса и Ф. Энгельса, начала изучать «Капитал» в марксистском студенческом кружке. «У меня открылись глаза», писала она. «Я поняла, что изменить жизнь может только рабочее революционное движение, что для того, чтобы быть полезной, нужной, надо отдавать все свои силы рабочему делу».

В феврале 1894 года в жизни Надежды Крупской произошло событие, которое озадачило всю ее жизнь: она познакомилась с молодым марксистом Владимиром Ульяновым. Общие интересы и стремления, революционная деятельность, любовь и дружба сыграли в жизни Надежды огромную роль. С тех пор они всегда вместе, всегда рядом. Оба — члены Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В декабре 1895 года Владимир Ильич был арестован. Надежда Константиновна все время до своего ареста поддерживала с ним связь, познакомилась с его родными — матерью Марией Александровной, сестрами Анной и Маняшей, братом Ми-

шей. В 1897 году Владимир Ильич был сослан в Сибирь, а Надежда Константиновна должна была отбывать ссылку в Уфе. Владимир Ильич послал прошение в Департамент полиции, чтобы Н. К. Крупская разрешила отбывать ссылку тоже в Шувенском, так как они росли соседями, свои судьбы. Надежда Константиновна тоже подает прошение. Разрешение было получено. В 1898 году Н. К. Крупская вместе с матерью приезжает в Шувенское. Наконец-то они снова встретились!

Владимир Ильич написал матери: «Н. К., как ты знаешь, поставили трагическое условие: если не вступит немедленно (sic!) в брак, то назад в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем «хлопоты» (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчаться), чтобы успеть обвенчаться до поста...» (Полн. собр. соч., т. 55 с. 89).

Здесь, в Шувенском, Надежда Константиновна по совету Владимира Ильича написала первую свою брошюру «Женщина-работница».

Пролетария два года ссылки. Из Сибири Владимир Ильич возвращался вместе с Надеждой Константиновной и ее матерью. Они заехали в Уфу, чтобы как срок ссылки Надежда Константиновна еще не окончила. Устроив ее, В. И. Ленин уехал в Москву, а вскоре за границу. В этот день уже создал план создания русской революционной газеты «Искра».

В апреле 1901 года Н. К. Крупская приезжает в Мюнхен, где с нетерпением ждал ее Владимир Ильич. Да и партийная работа тоже ждала. Крупская становится секретарем редакции «Искры», ведет конспиративную переписку с революционными организациями России. «Искра» обеспокоила царскую полицию. На следствии фигурировала нападками на органы власти, поэтому было решено перенести издание газеты в другую страну. В 1902 году Владимир Ильич и Надежда Константиновна переезжают в Лондон. «Когда приехали в Лондон», вспоминала Надежда Константиновна, «оказалось — ни мы ни черта не понимаем, ни на каком языке не понимаем. Попадали мы вначале в прекоммюнистические положения. Владимир Ильич это забавляло, но в то же время заставляло его жить». Он давал в лондонском ежедневнике объявления: «Русский доктор прав и его жена хотели бы брать уроки английского языка у англичанки (или англичанина) в обмен на уроки русского языка». Вскоре у Ульяновых появились три ученика. Метод обмена уроками, применявшийся В. И. Лениным при изучении других языков, помог овладеть английским в совершенстве.

После Лондона — Женева, Цюрих, РСДРП, активная участница которого была Надежда Константиновна.

Поздней осенью 1905 года Крупская возвращается в родной Петербург. В. И. Ленин вернулся раньше. И снова она загружена нелегальной партийной работой — стала секретарем ЦК РСДРП. И снова за ней слезла полиция, негласный полицейский надзор. Ульяновым приходится жить раздельно, постоянно менять квартиры. Все собрания, встречи, акты строго законспирированы.

Наступили тяжелые годы столетней реакции, годы жестокой репрессии, направленной против революционного движения, против рабочих и крестьян. Россияне — большевики, меньшевики, эсеры — вновь перебрались за границу.

Н. К. Крупская и В. И. Ленин тоже вынуждены уехать. Сначала Швейцария, затем Франция, Польша, снова Швейцария... Надежда Константиновна была секретарем

Светлое имя — Надежда

Большевистского центра, восстанавливала связи Ленина с большевистскими организациями на родине.

В наши дни многие женщины с интересом читают «Работницу». Но все ли знают, что создателем этого журнала в 1914 году была Надежда Константиновна? Журнал издавался в России легально: в его редакцию вошли известные коммунисты — Н. К. Крупская (редактор), И. Ф. Арманд и Л. Н. Сталь — за границей, А. И. Ульянова-Елизарова, К. Н. Самойлова и др. — в России.

Н. К. Крупская проводила большую работу по сплочению женщин-работниц. В январе 1915 года Надежда Константиновна писала от имени заграничной части редакции «Работницы»: «В среде этой редакции некоторые время тому назад возникла мысль...»

Однако при всем старании Горького книга Крупской «Народное образование и демократия» вышла из печати только в 1917 году.

Вскоре за годы эмиграции Н. К. Крупской было написано более 30 статей, они были опубликованы в легальной и нелегальной партийной и педагогической прессе в России и за рубежом.

В начале марта 1917 года В. И. Ленин и Н. К. Крупская уезжают из газет, что в России произошло буржуазно-демократическая революция. Надежда Константиновна пишет большевикам В. М. Маслову: «С трудом собираю сегодня из-за телеграмм, извещающих о победе революции в России...»

Вечером 3 апреля 1917 года В. И. Ленин и Н. К. Крупская были уже в Петрограде. «Тот, кто не пережил революцию», — писала позднее Крупская, — не представляет себе ее величия, торжественности, красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков, рефлексоры освещали путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепь из рабочих и рабочих, охраняющих путь».

В Петрограде Н. К. Крупская активно включилась в работу Секретариата ЦК партии. Она выступала пропагандистом на собраниях рабочих и в печати.

В 1918 году Советское правительство переехало в Москву. Надежда Константиновна вместе с Владимиром Ильичем и М. И. Ульяновой живут в небольшой квартире в Кремле. Крупская занимается народным просвещением, принимает энергичное участие в ликвидации безграмотности.

Когда тяжело заболел Владимир Ильич, Надежда Константиновна все время была около него. Врачи предписывали Ленину отдых и покой, и

издателя. Рукопись могут прислать по первому требованию...»

А в феврале 1916 года Владимир Ильич обращается к А. М. Горькому: «Многоуважаемый Алексей Максимович! Посылаю Вам заказанную Вами брошюру моей жены «Народное образование и демократия».

Автор занимается педагогикой давно, более 20 лет. И в брошюре собраны как личные наблюдения, так и материалы о новой школе Европы и Америки. Из оглавления Вы увидите, что дан также, в первой половине, очерк истории демократических взглядов. Это тоже очень важно, ибо обычно взгляды великих демократов прошлого излагают неспешно или с нестерпимой точкой зрения.

Вы очень обещаете меня, если получите от меня — прямо или косвенно — издание этой брошюры...» (т. 49, с. 182—183).

После кончины Владимира Ильича, перед открытием XIII съезда РКП(б), 18 мая 1924 года, Надежда Константиновна передала Центральному Комитету партии ленинские документы. «Владимир Ильич», — писала Крупская в протоколе передачи ленинских документов, — «выразил твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда».

Надежда Константиновна выполняла последнюю волю Владимира Ильича Ленина. Вскоре после смерти Владимира Ильича Н. К. Крупская начала писать о нем воспоминания. Они охватывают 25-летний период жизни Ленина — с 1893 по 1919 год. Отдельно она рассказала о жизни В. И. Ленина в 1923 году.

С 1929 года и до конца дней своих Надежда Константиновна работала заместителем народного просвещения РСФСР. Будучи государственным и партийным деятелем, она написала статьи, имеющие значение и в наши дни. В частности, большой интерес представляет работа Крупской «Коллективный и индивидуальный учет», увидевшая свет только в прошлом году (газета «Вечерняя Москва», 11 ноября 1988 г.). Статьи удивительно актуальны. Кажется, будто она говорит не из далекого 1926 года, а сейчас, во время перестройки.

Велико педагогическое наследие Надежды Константиновны. АН СССР избрала ее почетным академиком.

Летом 1937 года Надежду Константиновну постигло неожиданное горе — умерла Мария Ильинична Ульянова, самый близкий ее друг. Познакомилась она еще в Петербурге — две юные девушки Надя и Маняша. И проработала свою дружбу через всю жизнь.

Она очень заботилась друг о друге. Мария Ильинична старалась убедить Надежду Константиновну хоть понемногу отдыхать. Изредка они вдвоем ездили в Крым, но Надеж-

да делает все возможное, чтобы отбросить его от себя, чтобы отбросить состояние жажды революции, состояние большого человека. Полосы надежды сменяются у нее полосами тревоги. Но Надежда Константиновна старается держаться бодро, чтобы как-то поддержать и Ленина. Только в письмах к друзьям она откровенна. «За последние две недели выздоровления Владимира Ильича пошло на улучшение...» — пишет она А. В. Луначарскому. Из письма к дочери И. Ф. Арманд Ильич: «У нас поправка продолжается, хотя все это идет чертов-

да Константиновна не любила подолгу отдыхать. Она рвалась на такие поездки ради Марии Ильиничны. Иногда они ездили в Дом отдыха старых большевиков Архангельского, но чаще в Горки. Тетя Надя любила Горки — там все было связано с Владимиром Ильичем. Сколько Владимир Ильича всегда была заперта на ключ, в ней все осталось так, как было в траурный день 21 января. Заходили туда сестры и брат В. И. Ленин, и всегда — Надежда Константиновна... Когда бы мне ни приходилось заглядывать к ней в комнату, она всегда сидела за письменным столом, погруженная в свои дела. Мне она всегда радовалась, усаживала рядом с собой, угощала конфетами. Мы с ней иногда подолгу разговаривали: она советовала, что лучше прочитать из книг, интересовалась моими детскими делами. Так же бывало и в Москве; тетя Надя расспрашивала меня о школе: «Ну как там ваш МОИШК? Поживает?» Именно она посоветовала своим родителям отдать меня в Московскую опытно-показательную школу-коммуну имени Лепешинского, школу, которую создала она.

Надежда Константиновна вставала обычно очень рано, часов в 5 утра. Ходила тихо, чтобы не разбудить Марию Ильиничну и Полю — заботливую добрую женщину, помогавшую им по хозяйству в кремлевской квартире. Когда я как-то спросила, почему она встает так рано, тетя Надя ответила, что утром ей легко работать, никто не мешает, и она успевает за 2—3 часа многое сделать. Надежда Константиновна вставала и вечерами, после работы, присесть хотя ненадолго за письменный стол.

Печальная сидела Надежда Константиновна у гроба М. И. Ульяновой в Колонном зале Дома союзов, где 13 лет тому назад пропалась с Владимиром Ильичем. Тогда, в январе 1924 года, рядом с ней были Маняша, Дмитрий Ильич, Анна Ильинична. Теперь рядом был только Дмитрий Ильич, глубоко переживавший, как и она, смерть сестры.

В день смерти Марии Ильиничны Н. К. Крупская написала письмо моему отцу: «Дорогой, родной Дмитрий Ильич! Умерла наша Маняша. Не зноила нам потому, что было очень уж тяжело, да и врачи, по объяснению, говорили по-разному...»

Теперь надо составить ее биографию, собрать все воспоминания, составить сборник. Без Вас этого нельзя сделать. Вы лучше всех ближе всех ее знаете. Глубокая партийка, она отдавала себя всю работу, всю без остатка. Надо сохранить для истории ее образ, ее облик.

Надо все собрать; на Вас ложится сейчас большая задача. Поговорим об этом деле с Вами при свидании.

Крепко Вас обнимаю. Берегите себя. Ваша Н. К.»

По-прежнему, как и тетя Надя выдают редкие минуты отдыха, она сидит в Горки. Часто беседует с моим отцом где-нибудь в парке, в тенистом месте. Иногда зовет меня к себе, но чаще занята работой, которой у нее всегда очень много.

Вечером 23 февраля 1939 года Н. К. Крупская поехала за город в Архангельское, а на следующий день туда приехали Г. М. и З. П. Крижак-новские, Д. И. Ульянов, Феликс Кон, Л. Р. Мейзинская. Надежда Константиновна разговаривала, что рядом были старые друзья. Все было весело, вспоминали о минувших днях, говорили о ее предстоящем юбилее.

Вару Надежда Константиновна почувствовала себя очень плохо. Ее отвезли в Кремлевскую больницу. 25 февраля она почти все время находилась в бессознательном состоянии, пришла в себя только к вечеру. Отец был у нее в больнице. Он сказал маме и мне, чтобы мы поехали проститься с ней. Это было, помнится, 26 февраля. Некоторое время мы ждали у ее палаты, наконец оттуда вышел врач и сказал: «Заходите к ней. Надежда Константиновна хочет нас видеть». Но присутствовать здесь уже секретари Крупской В. С. Дриздю не допустили нас с мамой проститься с Надеждой Константиновной.

Надежда Константиновна была избрана делегатом XVIII съезда ВКП(б) (кроме 1 и 2, она была делегатом всех съездов партии), готовилась к нему, хотела выступить...

Два последних дня своей жизни Крупская обладала огромной трудоспособностью, энергией, удивительной умелой организацией своего труда. К такой работе она приучила себя за долгие годы, проведенные рядом с В. И. Лениным.

Обдумывая жизнь тетя Надя, мне все больше раскрываются глубина и неординарность ее натуры, широкий диапазон ее знаний. Ее ум, такти, принципиальность, сила воли и в то же время мягкость и чуткость привлекала к ней людей. И еще — она умела слушать собеседника.

Память о светлом человеке, друге, жене, соратнике В. И. Ленина — Надежде Константиновне Крупской — живет в сердцах миллионов людей. Память о ней — это ее искренние, подробные и удивительно правдивые воспоминания о В. И. Ленине; это и Московский педагогический институт, носящий ее имя, и белоснежный телешоколад «Надежда Крупская» на Валдае. Память о ней — это и малая планета, носящая имя «Надежда».

Ольга Ульянова.

С борта самолета

Пролетая над территорией Советского Союза, президент Французской Республики Ф. Миттеран 23 февраля направил Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачеву с борта самолета телеграмму, в которой выражал пожелания счастья и процветания народом Советского Союза. Президент отметил важность предстоящего в этом году официального визита М. С. Горбачева во Францию.

(ТАСС).

В дружественной обстановке

23 февраля Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков принял министра финансов и таможен Турции, сопредседателя смешанной советско-турецкой комиссии по экономическому сотрудничеству Ахмета Алытемоchina, прибывшего в Москву в связи с проведением рабочей встречи сопредседателей комиссии и для участия в торжественной закладке камня на строительство госпиталя для инвалидов Великой Отечественной войны, которое будет вести известная турецкая строительная фирма «Энка».

А. Алытемоchina вручил Н. И. Рыжкову послание премьер-министра Турции Т. Озала. В ходе состоявшейся беседы с обеих сторон были дана положительная оценка состоянию советско-турецких отношений. В Советском Союзе, как отметил Председатель Совета Министров СССР, придается большое значение развитию отношений добрососедства с Турцией как в двустороннем плане, так и с точки зрения укрепления доверия и безопасности в Европе и Азии, оздоровления международной обстановки в целом. По мере утверждения в международных отношениях нового политического мышления и углубления перестройки в Советском Союзе будут складываться все более благоприятные условия для расширения советско-турецкого сотрудничества.

А. Алытемоchina сказал, что в Турции внимательно и с большой заинтересованностью следят за проводимой в СССР политической перестройкой и желают ей полного успеха. Такое отношение проявляется не только на уровне государственного руководства, но и со стороны широкой общественности.

Состоялся углубленный обмен мнениями относительно возможных путей дальнейшего развития взаимовыгодных торгово-экономических связей между СССР и Турцией. Были рассмотрены, в частности, предложения об увеличении закупок в Турции товаров народного потребления, о строительстве предприятий легкой и перерабатывающей промышленности, объектов социально-культурной сферы на территории СССР, а также об участии советских подрядных организаций в реконструкции и строительстве железных дорог, энергетических и других объектов тяжелой промышленности в Турции.

В беседе, прошедшей в дружественной обстановке, приняли участие министр внешних экономических связей СССР, сопредседатель смешанной советско-турецкой комиссии по экономическому сотрудничеству К. Ф. Катусhev и посол Турции в СССР Волкан Бура.

В этот же день кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР А. П. Бирюков принял А. Алытемоchina. В беседе, прошедшей в дружественной обстановке, обсуждены вопросы развития торгово-экономических связей между СССР и Турцией в области производства товаров народного потребления.

(ТАСС).

Из Каира в Багдад

КАИР, 23. (ТАСС). Находящийся здесь с официальным визитом член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе объявил сегодня из Каира в Ирак. В канцелярии аэропорта советского гостя провожали заместитель премьер-министра, министр иностранных дел АРЕ И. Абдель Махди, другие официальные лица.

Среди провожающих находился посол СССР в АРЕ Г. К. Журавлев и посол Египта в СССР А. Махер.

Советско-японские контакты

ТОКИО, 23. (ТАСС). Сегодня состоялась встреча находившегося здесь кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. И. Лукьянова с видным деятелем правящей Либерально-демократической партии Японии Я. Накасона. В ходе беседы, прошедшей в обстановке открытости и доброжелательности, сделан обзор международной обстановки с акцентом на нынешнее состояние советско-японских отношений и пути их улучшения. Было, в частности, отмечено, что даже в условиях существования различий по тем или иным вопросам при наличии доброй воли и заинтересованности сторон имеются солидные предпосылки и возможности для продвижения взаимовыгодных связей в различных областях.

Я. Накасона выразил уверенность в конечном успехе набирающей темпы перестройки в СССР. Это, по его мнению, ока-

жет благотворное воздействие на международную ситуацию и безусловно на отношения между Советским Союзом и Японией.

Состоялась беседа А. И. Лукьянова с руководством парламентской Ассоциации японо-советской дружбы. В ней приняли участие видные депутаты парламента Японии И. Сакураути, Б. Хара, К. Кадоя, Ф. Абэ, Ю. Хатояма, Т. Цусима. Особое внимание в беседе было уделено важности налаживания контактов по линии различных комиссий и комитетов Верховного Совета СССР и парламента Японии. С обеих сторон отмечалась возрастающая роль народной дипломатии, которая способствует углублению взаимопонимания между народами. В этой связи участники беседы поддержали идею расширения прямых взаимовыгодных связей между дальневосточными районами СССР и близлежащими префектурами Японии.

Праздничная манифестация

ПРАГА, 23. (ТАСС). По случаю 41-й годовщины февральской победы чехословацких трудящихся над буржуазной реакцией здесь сегодня состоялась праздничная манифестация общественности. На ней присутствовали Генеральный секретарь ЦК КПЧ М. Якш, Президент ЧССР Г. Гусак, другие руководители страны.

Трудящиеся социалистической Чехословакии, верные заветам февральской революции, вдохновленные новым политическим курсом КПСС, приступили к решению ответственных задач перестройки и демократизации общества, заявили в своем выступлении перед собравшимися член Президиума ЦК КПЧ, первый секретарь Пражского горкома партии М. Штепан. Никто не может отрицать больших успехов, достигнутых в ходе социалистического строительства. Вместе с тем мы знаем, что пройденный страной путь оказался нелегким.

На нем были успехи и недостатки, упущенные возможности и ошибки.

Перестройка — дело всех и каждого, она осуществляется в интересах народных масс и неразрывно связана с расширением демократизации общественной жизни, продолжил оратор. Необходимой предпосылкой для этого являются повышение ответственности, повсеместное укрепление порядка и дисциплины. Однако в последнее время в стране активизируются подпольные силы, пытающиеся с помощью определенных кругов на Западе дестабилизировать внутриполитическую обстановку и демократизацию социализма в Чехословакии. Мы решительно отвергаем подобные действия и выражаем убеждение, что трудящиеся ЧССР ответят на них самоотверженным трудом на благо социализма, указал М. Штепан.

Встреча с журналистами

41-й годовщине победы чехословацких трудящихся над реакцией и 60-летию V съезда КПЧ была посвящена пресс-конференция, прошедшая 23 февраля в посольстве Чехословакии в Москве.

С февраля 1948 года, говорили на встрече с журналистами, народ Чехословакии достиг значительных успехов в строительстве социализма, подтвердив правильность сделанного выбора.

(ТАСС).

НА МЕТРО он добрался до Староместской площади. Куда теперь? Проклятые подсказали: надо в сторону городской управы.

В старой Праге все казалось тесноватым, сдвинутым — дом жался к дому, двор лепился по двору с той дерзостью, какую вряд ли увидишь в новых кварталах. Там и тут глаза открывались то симпатичные соединительные арки, то внутренние переходы, ведущие из улочки в улочку. Город перетекал от места к месту, словно боясь самой мысли об отчуждении.

Вот наконец и каменная громада Кlementина. Алексей Васильевич сдал плащ в раздевалку, мельком окинул себя в настенное зеркало. Все было нормально: галстук на бок не съехал, волосы от уличной ходьбы не растрепались, в меру строгий тонкий свитер под пиджаком вполне отвечал деловому характеру встречи. По каменной лестнице он стал подниматься на четвертый этаж.

Для современной библиотеки бывший средневековый монастырь показался довольно подходящим. Гулкие свода по толкам, стрельчатые окна в стенах, таинственные ниши по бокам лестницы, не говоря уже о старинных фресках, — все внушало почтение к истории. Хранилище знаний в хранилище времени — что уж лучше...

Вот и указательная стрелка к директорскому кабинету. Ему — сюда.

Теперь решай, любезный читатель, надо ли тебе здесь следовать за своим соотечественником. Вместо того, чтобы рыться в архивах и дышать библиотечной пылью, хоть она и пристойнее прочей, — не лучше ли вернуться на мартовские пражские улицы, с наслаждением ощутить сыроватый воздух подсыхающей брусчатки и не обременять душу поисками чужой далекой, затерявшейся, ничего тебе не говорящей судьбы...

Из-за стола навстречу Алексею Васильевичу поднялся невысокого роста худощавый человек в темном костюме. Доктор Иржи Вацек — протянул он руку.

— Безносос, — с той же подчеркнутой сдержанностью назвал себя незнакомец.

Из-под очков, чуть сползших с переносицы, Алексей Васильевич пристально глянул на хозяина кабинета. По телефону разговор тот представлялся ему старше, во всяком случае не сорочкалетним. Но какое это имеет значение? Насторожило другое — в глазах директора он уловил что-то похожее на извигательство.

— Должно быть, я оторчу вас, — и впрямь произнес доктор Вацек, — но журнал, который вы просили, найти не удалось. Могу предложить издание, весьма близкое по характеру. — И он показал на круглый столик темного дерева посреди кабинета: поверх свернутой полировки лежал комплект журналов, аккуратно перетнутых шнуром.

— И нет никаких шансов найти? — Алексей Васильевич растерянно смотрел на собеседника.

— Отчего же? Предстоит порыться в фондах других хранилищ.

— Я добавил вам хлопот, — спохватился гость.

Директор отрицательно покачал головой.

— Это наша работа.

Он тронул ладку своих простоватых очков и жестом предложил присесть за столик.

«До чего безупречная русская речь», — подумал Алексей Васильевич. Хотел было сделать комплимент доктору Вацку, однако счел это все-таки излишним: в конце концов тут не библиотека американского конгресса, а Славянское хранилище, и похвала могла показаться заносчивой.

Сели в кресла. Директор пригнул журналы к гостю. Но тот не спешил их рассматривать.

— В двух словах о цели моего разговора, — начал Безносос. — По образованию я морской инженер. Интересуюсь историей. И вот однажды в Москве в личном архиве русского кораблестроителя Юркевича нашел о нем журнальную страничку. Ушел, целиком задание не сохранилось — всего одна страничка. Журнал выходил в Праге среди русских эмигрантов. Это и привело меня в Славянское хранилище. В личной судьбе конструктора не все до конца ясно, и я надеюсь приоткрыть завесу...

Доктор Вацек слушал внимательно, хотя и с некоторой холодностью.

— Не знаю, верно ли вы поступили, начав поиск отсюда, — сказал он раздумывая. — Славянское хранилище располагает фондами по истории, литературе, философии... Но техника — не наш профиль. Эту сторону, — он потрохнул до стоны журналы, — я сохранил из врожденной скрупулезности собирать — на всякий случай. Как это говорят русские: чем черт не шутит?..

И улыбаясь, полагая, что поговорка всецело оправдывает его осмотрительность по части чистки фондов.

— Вещь осталась для Безнососа пролежала в читальном зале. Страница за страницей одлевал он притомленный для него комплект. О Юркевиче удалось разыскать лишь крохотную заметку, которая мало что давала.

Доктор Вацек приготовился поспешно отойти, однако, к своему удивлению, досады на лице посетителя не увидел.

— Какой у вас обширный каталог русских изданий? — с завистью произнес Алексей Васильевич. — Сохранились даже «Ковчег»...

— Вы знаете о «Ковчеге»? — в свою очередь изумился директор. — Но в этом издании нет ничего морского. За исключением названия, — помотал он. — Сугубо литературный альманах...

— ...а в котором, между прочим, печаталась Марина Цветаева, когда была в пражской эмиграции, — не без достоинства заключил Безносос, как бы обозначая уровень разговора.

— Так вы впрямую морской инженер? — Лицо доктора Вацека выражало почти детское любопытство.

— Теперь журналист. Еще недавно был инженером. Должно быть, работа на гидрографическом судне привила расположение ко всякого рода путешествиям. Включая библиотеки.

— Надолго в Прагу? — Месячная командировка, к сожалению, не связана с архивами.

— Намерены поработать в нашем хранилище?

— Насколько позволит свободное время.

— Что ж, прошу...

Они прошли в абонемент. В тетрадь посещений Алексей Васильевич вписал латинскими буквами страну, из которой прибыл, и своим фамилию. Требуется также сообщить характер интереса. Тут Безносос лих миг растерялся. Писать «инженерное дело»? Это в гуманитарной библиотеке... Подумал-подумал и вывел: «русская литература». В конце концов не такой уж грех против истины.

Процаясь, доктор Вацек с почтением пожал руку посетителю, обнаружившему столь неожиданный для морского инженера литературный крен.

Шесть или семь вечеров потратил Безносос на поиски каких-либо сведений о Юркевиче. Тщательно просмотрив вестники студенческих корпораций — именно тут надеялся найти то, что ему не доставало. Однако на желтоватых драхляющих страничках имя забытого инженера больше не встретилось ему ни разу. След конструктора словно потерялся в тайных складках времени.

Ничего утешительного не сообщали и из других хранилищ, хотя Иржи Вацек предпринял все, что мог.

Командировка, между тем, понемногу близилась к концу. Мысль об этом угнетала и раздражала Алексея Васильевича.

И тогда, в очередной раз зашедший в библиотеку, он заказал все же не студенческие вестники, а литературный «Ковчег». Выходит, поступил так от отчаяния: нужна была хоть какая-то пауза, отлучения в удручающе безрезультатном поиске.

Под обложкой альманаха цветастые строчки, хорошо знакомые ему по поздним советским перепечаткам, обретали особое, первородное звучание. Еще был этот неказистый эмигрантский странцик, которых касаются сейчас его пальцы, когда-то суждено было стать

жалы ее, как железные скобы. А тут — продолжение исповеди: «...писателю там лучше, где ему меньше всего мешают писать (дышать)». Таких признаний от Цветаевой он прежде не слышал. Любил к России, сотворенной «сплошь на уступках», «любим — нестерпимо», она бросала, как вызов, свою любовь — не терпящую искажения того, что любишь. Разлом лежал через самую душу.

«Что до меня, — вернулся в Россию не допущенным «перекрестком», а желанным и жданным чешкой. Вот, оказывается, чего хотела и во что верила Цветаева. Без этих откровений не понять ни смятенной судьбы, ни стихов.

А было ли это опубликовано в Советском Союзе? — неожиданно для себя подумал Алексей Васильевич. Ведь могло статься, что и нет. Он еще раз перечитал текст: с саркастическим оттенком пассажи в адрес «бывших» Алексея Толстого, восторг перед мастерством эмигранта Алексея Ремизова, упреки Пастернаку... И тут же колкие стрелы в «стены Чехии». Да кто позволил бы прежде написать такое?

И что же из этого следует? Уж не то ли, что он открывает читающей публике утраченное или сознательно забытое цветастое наследие? Ухмыльнулся: чепуха какая-то. Нет, нет — несомненная чепуха. Ведь фрагмент прозаического текста ему наверняка знаком. Стало быть, исследователем известен и весь «манифест», а как же иначе? Часть не живет без целого.

Евгений ДВОРНИКОВ

Золотой дождь

Документальный рассказ

первым пристанищем скитальческой музы. От одной этой мысли сжимало дух. И чтение доставляло неостальческие удовольствия. Да и вообще ему было интересно в бурном литературном море — в русском море, выплывшемся в шторм за пределы России, но все же помнящем об изначальных берегах. Алексей Васильевич полагал, что «Ковчег» вышел своим одним номером.

И тут, дочитав альманах до конца, он вдруг увидел на обложке объявление о другом эмигрантском журнале — «Своими путями». Издание ему было совершенно неизвестно. Он поинтересовался в читальском мире уводит его в сторону от Юркевича, но любопытство брало свое. Тем более, что среди редакторов альманаха значился Сергей Яковлевич Эфрон, муж Марины Цветаевой.

Алексей Васильевич подошел к конторке, за которой сидела Яна — по обыкновению тихая, неслышная и почти невидимая служащая абонементов. Шепотом, которому издавна научили его читальные залы, обратился к ней:

— Хотел бы получить комплект «Своими путями».

— Через десять минут устроит? — Девушка приготовилась исполнить заказ.

«Хорошо», — кивнул он, а про себя подумал: в Ленинге этот журнал непременно в спецхране. Приведись выписывать оттуда, обязательно выискали бы: или выдан, или на реставрацию, или еще что-нибудь. Какую-то чертовскую закономерность, а у них — все-таки десять минут да еще с извещениями.

Вскоре тележка с журналами ждала его у конторки. Он вернулся к столу и с нетерпением открыл обложку. Не может быть, чтобы цветастые строчки мигновали эти альманах, думал Безносос. Во-первых, ни поэтические были в ту пору очень популярны среди эмигрантов — значит, престижно для журнала. Во-вторых, в Праге Эфрон жил с женой и дочерью — лишь на студенческую стипендию, и поэтический гонимый Марины мог дать семье хоть какой-то дополнительный заработок. Ведь у Цветаевой не было даже платы на смену.

Наткнулся на фотографию Вальмонты. Под ней стихи: «Эмигрант». Так и есть — Цветаева. Прочел раз, потом еще. Строки показались знакомыми. На память Алексей Васильевич не жаловался, но, как ни старался, этого послания к Вальмонте вспомнить у Цветаевой не мог. Неужели прежде не обращал внимания? Или пропустил? Да нет, любимые цветастые тонкости перечитаны им не раз и не два. «Лилишый Вышний! Выходил Вызов!» — беззастенчиво шепелял он губами, подчинялся напору страсти. Неужели такое могло забыться? Странно, странно...

Перевернул несколько страниц — и вновь Марина Цветаева. На этот раз нечто похожее на манифест. «Родина не есть условность территории, а непрерывность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию — может быть, лишь тот, кто Россия мыслит вне себя. В ком она внутри, — тот потеряет ее лишь вместе с жизнью». Стоп! Эти слова он уже где-то встречал. Где же, где? Кажется, в какой-то иступительной статье к цветастому сборнику. Но там, помнится, разгоряченная мысль на этом резко обрывалась — кавычки дер-

жались, как железные скобы. А тут — продолжение исповеди: «...писателю там лучше, где ему меньше всего мешают писать (дышать)». Таких признаний от Цветаевой он прежде не слышал. Любил к России, сотворенной «сплошь на уступках», «любим — нестерпимо», она бросала, как вызов, свою любовь — не терпящую искажения того, что любишь. Разлом лежал через самую душу.

«Что до меня, — вернулся в Россию не допущенным «перекрестком», а желанным и жданным чешкой. Вот, оказывается, чего хотела и во что верила Цветаева. Без этих откровений не понять ни смятенной судьбы, ни стихов.

А было ли это опубликовано в Советском Союзе? — неожиданно для себя подумал Алексей Васильевич. Ведь могло статься, что и нет. Он еще раз перечитал текст: с саркастическим оттенком пассажи в адрес «бывших» Алексея Толстого, восторг перед мастерством эмигранта Алексея Ремизова, упреки Пастернаку... И тут же колкие стрелы в «стены Чехии». Да кто позволил бы прежде написать такое?

И что же из этого следует? Уж не то ли, что он открывает читающей публике утраченное или сознательно забытое цветастое наследие? Ухмыльнулся: чепуха какая-то. Нет, нет — несомненная чепуха. Ведь фрагмент прозаического текста ему наверняка знаком. Стало быть, исследователем известен и весь «манифест», а как же иначе? Часть не живет без целого.

И тогда, в очередной раз зашедший в библиотеку, он заказал все же не студенческие вестники, а литературный «Ковчег». Выходит, поступил так от отчаяния: нужна была хоть какая-то пауза, отлучения в удручающе безрезультатном поиске.

Под обложкой альманаха цветастые строчки, хорошо знакомые ему по поздним советским перепечаткам, обретали особое, первородное звучание. Еще был этот неказистый эмигрантский странцик, которых касаются сейчас его пальцы, когда-то суждено было стать

жалы ее, как железные скобы. А тут — продолжение исповеди: «...писателю там лучше, где ему меньше всего мешают писать (дышать)». Таких признаний от Цветаевой он прежде не слышал. Любил к России, сотворенной «сплошь на уступках», «любим — нестерпимо», она бросала, как вызов, свою любовь — не терпящую искажения того, что любишь. Разлом лежал через самую душу.

«Что до меня, — вернулся в Россию не допущенным «перекрестком», а желанным и жданным чешкой. Вот, оказывается, чего хотела и во что верила Цветаева. Без этих откровений не понять ни смятенной судьбы, ни стихов.

А было ли это опубликовано в Советском Союзе? — неожиданно для себя подумал Алексей Васильевич. Ведь могло статься, что и нет. Он еще раз перечитал текст: с саркастическим оттенком пассажи в адрес «бывших» Алексея Толстого, восторг перед мастерством эмигранта Алексея Ремизова, упреки Пастернаку... И тут же колкие стрелы в «стены Чехии». Да кто позволил бы прежде написать такое?

И что же из этого следует? Уж не то ли, что он открывает читающей публике утраченное или сознательно забытое цветастое наследие? Ухмыльнулся: чепуха какая-то. Нет, нет — несомненная чепуха. Ведь фрагмент прозаического текста ему наверняка знаком. Стало быть, исследователем известен и весь «манифест», а как же иначе? Часть не живет без целого.

И тогда, в очередной раз зашедший в библиотеку, он заказал все же не студенческие вестники, а литературный «Ковчег». Выходит, поступил так от отчаяния: нужна была хоть какая-то пауза, отлучения в удручающе безрезультатном поиске.

Под обложкой альманаха цветастые строчки, хорошо знакомые ему по поздним советским перепечаткам, обретали особое, первородное звучание. Еще был этот неказистый эмигрантский странцик, которых касаются сейчас его пальцы, когда-то суждено было стать

жалы ее, как железные скобы. А тут — продолжение исповеди: «...писателю там лучше, где ему меньше всего мешают писать (дышать)». Таких признаний от Цветаевой он прежде не слышал. Любил к России, сотворенной «сплошь на уступках», «любим — нестерпимо», она бросала, как вызов, свою любовь — не терпящую искажения того, что любишь. Разлом лежал через самую душу.

«Что до меня, — вернулся в Россию не допущенным «перекрестком», а желанным и жданным чешкой. Вот, оказывается, чего хотела и во что верила Цветаева. Без этих откровений не понять ни смятенной судьбы, ни стихов.

А было ли это опубликовано в Советском Союзе? — неожиданно для себя подумал Алексей Васильевич. Ведь могло статься, что и нет. Он еще раз перечитал текст: с саркастическим оттенком пассажи в адрес «бывших» Алексея Толстого, восторг перед мастерством эмигранта Алексея Ремизова, упреки Пастернаку... И тут же колкие стрелы в «стены Чехии». Да кто позволил бы прежде написать такое?

И что же из этого следует? Уж не то ли, что он открывает читающей публике утраченное или сознательно забытое цветастое наследие? Ухмыльнулся: чепуха какая-то. Нет, нет — несомненная чепуха. Ведь фрагмент прозаического текста ему наверняка знаком. Стало быть, исследователем известен и весь «манифест», а как же иначе? Часть не живет без целого.

И тогда, в очередной раз зашедший в библиотеку, он заказал все же не студенческие вестники, а литературный «Ковчег». Выходит, поступил так от отчаяния: нужна была хоть какая-то пауза, отлучения в удручающе безрезультатном поиске.

Под обложкой альманаха цветастые строчки, хорошо знакомые ему по поздним советским перепечаткам, обретали особое, первородное звучание. Еще был этот неказистый эмигрантский странцик, которых касаются сейчас его пальцы, когда-то суждено было стать

жалы ее, как железные скобы. А тут — продолжение исповеди: «...писателю там лучше, где ему меньше всего мешают писать (дышать)». Таких признаний от Цветаевой он прежде не слышал. Любил к России, сотворенной «сплошь на уступках», «любим — нестерпимо», она бросала, как вызов, свою любовь — не терпящую искажения того, что любишь. Разлом лежал через самую душу.

...Перед уходом, по обыкновению, Алексей Васильевич заглянул к директору — так он дал всегда, с первого дня знакомства. На сей раз доктор Вацек встретил его на лестнице — рабочий день кончился. Вместе спустились в гулкой двор Кlementина.

— А не пойти ли до метро пешком? — предложил директор.

— С удовольствием. Дивная погода... Вообще с той поры, как бывший морской инженер нечаянно обнаружил перу доктором филологии свою литературную осведомленность, их отношения перешли на уровень сугубо официальных. А уж теперь, когда Алексей Васильевич углубился в чтение альманахов, доктор Вацек — и того больше — счел его безусловным коллегой.

Они вышли к Влтаве и не торопясь направились вдоль набережной.

— Какие новости подарили вам пражские издательства? — поинтересовался Иржи Вацек с неизменной деликатностью. В его голосе Безносос без труда уловил восторженный интерес.

— Встретил неизвестное стихотворение Цветаевой.

— Вот как?

— И еще прозаическое эссе. Его я тоже читаю впервые.

— Вот видите...

— Но это ничего не значит, — поспешил добавить Алексей Васильевич. — Не исключено, что незнакомец мне дав-

жидать здесь и другие неожиданные, помню Цветаеву.

Безносос сядил за свое привычное место в читальном зале и буквально прочесть эмигрантские литературные альманахи, частично отсутствующие даже в спецхране Ленинграда. «Студенческие годы», «Волы России», «Серебряные записки». Ни разу и ни в чем Цветаева не подвела его своим списком.

Встречались разрозненные стихи и даже целые циклы. Десят, тридцать, пятьдесят, семидесять стихотворений... В тонкую школьную тетрадь Алексей Васильевич скрупулезно выписывал либо названия, либо начальные строчки, если стихи не имели названий. Работать он решил по такому принципу: сперва зафиксировать все, что удастся обнаружить, а уж потом сверять найденное с вышедшими цветастыми сборниками. Что и говорить, иногда в поисковом азарте он не успевал по достоинству оценить поэзию как таковую — просто не успевал бы терять короткое время командировки, и не дай бог, чтобы улача раскраснелся и отворачивался. В те дни он отчасти напоминал студента, оказавшегося на щедрой лесной поляне, куда до него редко кто заглядывал. Так он во всяком случае думал.

В конце концов число обнаруженных стихов перешло за сотню. Весь этот длинный перечень лежал от него слева на столе. А справа — книга сборников Марины Цветаевой, вышедших по-русски в разные годы в Москве, Берлине, Сан-Франциско, Париже и других городах — около двадцати изданий. Если хотя бы в одном из них стихотворение публиковалось, Алексей Васильевич вычеркивал его из списка. Значит, найденное — известно.

Увы, чисто находок много. Это опрочало, и все-таки много осталось нетронутым в его пражской тетрадке.

Теперь предстояло снять ксерокопии. Алексей Васильевич попросил Яну выписать счет. Но тут неожиданно вмешался Иржи Вацек:

— Не хотите ли вы сказать, что у командированного слишком много денег? И не думайте, что мы позволим вам тратить. Да нас вы не случайный разовой посетитель...

И распрощавшись сделать ксерокопии за счет библиотеки и в том количестве, сколько нужно исследователю Безнососу для работы. Чтобы рассеять у гостя малейшее ощущение неловкости, добавлял:

— Цветаева принадлежит не только России. И не будем считать крону...

По воскресеньям, когда библиотека была закрыта, Безносос нередко садился в автобус или на трамвай и отправлялся в какой-нибудь из пражских пригородов, где жила Цветаева, — во Вшеноры, Долные или Горные Мокропысы. Хотелось своими глазами увидеть дом, помнящий дыхание Марины, пройти улицей, помнящей ее шаг. Его вело не экскурсионное любопытство. И дом, и улица, и стихи — все это была одна, неделимая жизнь, давно волновавшая его воображение,

Мощный взрыв
 произошел минувшей ночью на территории университета английского города Бристоль. Одному из зданий комплекса причинен значительный ущерб. Среди учащихся и сотрудников учебного заведения пострадавших нет. За несколько часов до взрыва в одну из местных газет позвонил неизвестный, предупредивший о грядущей аварии. По его словам, она предпринята в знак протеста против проводимых в университете научных экспериментов над...

